

© 2017 г.

Н.В. КРОТКОВА

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ (ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ) (Окончание)¹

Кроткова Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН (Москва, Россия) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Krotkova Natalya V. – PhD in Law, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (E-mail: krotkova2012@yandex.ru).

Аннотация: дан обзор Всероссийской научной конференции “Государство и революция. К 100-летию Великого Октября”, организованной кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и редакцией журнала “Государство и право”. Показано влияние Октябрьской революции на становление и развитие Советского государства. Рассмотрены источники революционного права, государственно-правовые аспекты революции 1917 г. Уделено внимание революционным и эволюционным переменам в современной истории и роли права, а также первым советским юридическим журналам. Отражены вопросы теоретической подготовки Великой Октябрьской революции в России. Почему Октябрь 1917 г. был исторической неизбежностью? Выступления участников конференции были посвящены также революционной идеологии в теории права и государства, революционному правосознанию в истории российской государственности и многим другим вопросам.

Abstract: an overview of the All-Russian scientific conference “State and revolution. The 100th anniversary of the Great October revolution”, organized by the department of theory of state and law and politology of the law faculty of Moscow state University M.V. Lomonosov and the editorial board of the journal “State and Law”. It shows the influence of the October revolution on the formation and development of the Soviet state. The sources of revolutionary law, state-legal aspects of the 1917 revolution, the attention is paid to the revolutionary and evolutionary change in modern history and the role of law, as well as the first Soviet legal journals. Reflect the issues of theoretical preparation of the Great October revolution in Russia. Why the October 1917 was a historical inevitability? The participants of the conference were also devoted to the revolutionary ideology in the theory of law and state, to the revolutionary sense of justice in the history of Russian statehood, and many other issues.

Ключевые слова: государство, революция, Ленин, диктатура пролетариата, юридическая наука, общая теория права, философия права, социология права, история государства и права, догма права, государственность, идеология, правосознание.

Key words: state, revolution, legal science, Lenin, the dictatorship of the proletariat, General theory of law, philosophy of law, sociology of law, history of state and law, the dogma of law, statehood, ideology, legal consciousness.

И.Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Социалистическая революция 1917 года в России как реализованный проект Гракха Бабёфа?

“Однажды уже была революция!”

К. Мазорик

100 лет назад в России произошла **социалистическая** революция. Серьезная дата для осмысления! Именно такие значимые даты стимулируют “производство памяти”.

100 лет – четыре поколения людей. Для каждого из них революция имеет свое **собственное** значение, и потому в воспоминаниях представителей

и этих разных поколений революция нашла свое **неодинаковое** выражение. Вполне очевидно, что воспоминания тех, кто не являлся сторонником нового политического режима (например, пассажиры “Философского парохода 1922 г.”, на котором двумя рейсами из Советской России были высланы 225 интеллектуалов), априори должны были отличаться – и разительно отличаются! – от взглядов сторонников этого режима. Поэтому оценки революции будут всегда исключительно **субъективными**.

Социалистическую революцию можно анализировать, используя **сравнительный метод**: осмыслить произведенные ею **эффекты** в различных сферах жизни российского общества в сопоставлении с положением дел как в дореволюционной, так и в современной России.

¹ Начало см.: Гос. и право. 2017. № 10. С. 27–54; № 11. С. 5–31.

Не следует забывать и то, что социалистическая революция — это *не одномоментное* явление, а *процесс*, который разворачивался в течение десятилетий. И потому этот процесс можно конкретизировать, выделив *различные отрезки прошедшего столетия*. Заметим также и следующее: политика советского государства в различных сферах жизни (духовной, политической, правовой, социальной, экономической) в каждый отрезок времени не была последовательной. По этой причине данную политику оценить *однозначным* образом не представляется возможным. Так, с современных позиций можно признать, что в 20-е годы в России можно найти признаки современного демократического режима — сохранение многопартийности (хотя и в урезанном виде) и осуществление политики преимущественно при помощи декретов, а не законов — это отрицание как гражданского общества, так и правового государства.

Кроме того, с течением времени понимание социалистической революции подверглось *идеологизации*. Отчасти это подтверждается даже тем, что эту революцию описывали исключительно с эпитетом “великая”. Всякое сомнение в “величии” представлялось абсурдным и неуместным. Отметим, что проблема идеологизации знания — это сложная проблема для социальных наук. Так, в трактовке французского марксиста Л. Альтюссера (1918—1990) в современном ему обществе существуют несколько идеологических аппаратов, основным из которых является школа: “Фактически, Церковь сегодня заменена Школой в своей роли господствующего идеологического аппарата государства”².

Представляется, что можно выбрать и другой подход для осмысления социалистической революции в России, уйдя от субъективных оценок в сторону большей *объективности*, — построить иную модель для исследования.

Итак, будем исходить из двух посылок: *во-первых*, если мы анализируем *социалистическую* революцию, то необходимо отыскать в истории нечто подобное — *первоначальный проект социалистической революции*; *во-вторых*, социалистическую революцию невозможно представить без *политической партии*, которая поставила бы перед собой конкретную цель: построение социализма.

В 1796 г. во Франции была предпринята попытка перехода к социализму в отдельно взятой стране. Во главе этого движения стоял Бабёф (Франсуа Ноэль, псевдоним — Гракх) (1760—1797) — французский теоретик коммунизма, революционер.

Этот самобытный мыслитель появился на фоне *политического кризиса*, начавшегося во Франции в 1789 г. Одним из проявлений этого кризиса стал термидорианский переворот: якобинская Конституция 1793 г. была заменена Конституцией 1795 г.; был установлен режим Директории. По оценкам Бабёфа, это и привело к созданию республики одного миллиона богатых (без учета интересов 24 млн бедных французов).

Можно ли социалистическую революцию 1917 г. в России расценивать как реализованный проект Бабёфа? Представляется, что да.

Во-первых, у большевиков был *социалистический проект*, имевший существенное сходство с социалистическим проектом бабувистов. Большевики предложили создать общество, в котором не было бы имущественного неравенства и эксплуатации чужого труда; это предложение мы находим и у бабувистов.

Отличие: у бабувистов социализм — это всеобщая обязательность труда и коллективная собственность на все, что будет произведено; у большевиков — всеобщая обязательность труда и коллективная собственность на средства производства. Современный французский автор Д. Жюлиа справедливо отмечает, что политическая программа Бабёфа отличается от последующих коммунистических теорий тем, что “коммунизм — это не способ производства и организации труда, но просто метод распределения богатства”³.

Во-вторых, большевики создали *политическую партию*, которая действовала *подпольно*; выступала *от имени трудящихся* (прежде всего лиц физического труда). Подобная партия была и у бабувистов, которые были участниками Тайной директории общественного спасения, деятельность которой вошла в историю под названием “заговора во имя равенства”.

Отличие: РСДРП, в отличие от общества бабувистов, имела *Устав*; число членов этих организаций также серьезным образом различается. Однако в пересчете на население России 1917 г. и, соответственно, на население Франции 1796 г. эта разница не столь значительна; большевики создали свою партию с учетом накопившегося *опыта* партийного строительства (известно, что первая рабочая партия была создана в Германии еще в 1863 г. — “Всеобщий германский рабочий союз”), бабувисты же были первыми для своего времени.

В-третьих, лидеры.

Сходство: оба лидера более известны под своими псевдонимами: В.И. Ульянов как *Ленин* и Бабёф

² Althusser L. Positions (1964—1975). P., 1976. P. 97.

³ Жюлиа Д. Философский словарь. М., 2000. С. 33.

как *Гракс* (псевдоним взят в честь римского плебейского трибуна Гая Гракха).

Но далее в этом вопросе отличий значительно больше, чем сходства.

Лениниана достаточно хорошо известна, и поэтому остановимся подробнее на биографии лидера Тайной директории общественного спасения — Бабёфе. Современный французский историк К. Мазорик⁴ называет Бабёфа “*лидером партии*”, заявившей об интересе “*класса трудящихся*”.

“Я родился в грязи”, — писал о себе Бабёф. Благодаря отцу, отставному солдату, “домашнему тирану”, он научился читать и писать, что позднее помогло ему работать в поземельном архиве города Руа (Пикардия). Бабёф стал изучать механизм, который в феодальном обществе делал крестьян все более и более нищими.

Плебейское происхождение Бабёфа позволило ему *глубоко* осознать проблему имущественного неравенства. Эта тема стала для него близкой благодаря также прочтению работ Ж.-Ж. Руссо и Г.Б. де Мабли; формированию критического отношения Бабёфа к Старому Режиму способствовала его переписка (1786—1788) с Академией города Арраса.

В его родной Пикардии в революционные дни 1789 г. он был организатором массовых протестов против остатков феодального режима. Вскоре он был арестован, но усилиями Марата выпущен на свободу. С 1791 г. Бабёф начал вести пропаганду в пользу принятия нового *аграрного* закона в интересах нищих слоев населения. В 1793 г. его обвиняют в подлоге, вынуждая искать убежища в столице Франции. Именно в Париже Бабёф пришел к пониманию того, что необходимо осуществить экономическое равенство (*фактическое*) и установить общность имущества, т.е. придать буржуазной революции новый смысл, понятный униженным и оскорбленным.

В 1795 г. Бабёф начинает пропагандировать свои идеи в газете “Трибун народа”. Он пройдет через тюрьмы Парижа и Арраса, в которых познакомится с будущими участниками движения “Заговор во имя равенства” (1796). Им будет создана Тайная Директория общественного спасения, в которую войдут также Буонаротти, Дарте, Жэрмен и др.

В-четвертых, большевики выступили в роли *действующих* коммунистов. Бабувистов также можно признать действующими коммунистами. Речь у большевиков и у бабувистов шла не о выработке

проектов идеального государства (Платон) и не о признании самой возможности существования идеального государственного строя (Мор), а о необходимости радикального изменения мира “человеком действующим”⁵.

В-пятых, большевики руководствовались *планом государственного переворота*. План восстания был и у бабувистов. Мы видим много сходного в содержании этих планов и, соответственно, мало отличий. Так, в Акте о восстании, подготовленном бабувистами, говорилось: “Народ захватит государственное казначейство, почту, дома министров, все государственные и частные склады, в которых имеется продовольствие и боеприпасы” (ст. 7). В.И. Ленин в своем письме “Советы постороннего” (8 (21) октября 1917 г.) писал практически о том же: “Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову”.

В-шестых, большевики (так же, как и бабувисты) приобрели определенный опыт борьбы, пройдя через *тюрьмы*. Этот опыт должен был помочь им *радикально* изменить существующий строй. В обоих случаях ставка была сделана на *насильственный* переворот. Отметим, что у Бабёфа было двойственное отношение к насилию, о чем можно судить по его письму жене, написанному в 1789 г. В письме он комментировал массовую бойню и взрыв народного ликования, которое ее сопровождало, после взятия Бастилии: “О, сколько боли принесла мне эта радость! Я был одновременно и удовлетворен, и недоволен; я говорил: так лучше и так хуже. Я понимаю, что народ осуществляет правосудие, я одобряю это правосудие, когда речь идет об уничтожении виновных, но может ли это правосудие не быть сегодня жестоким? Господа собирают <...> и еще соберут то, что они посеяли”⁶.

Заметим, что в риторике бабувистов можно встретить указание на то, что восстание, которое должен совершить народ, должно иметь *мирный* характер, т.е. без потоков крови и груды трупов (Трибун народа. № 31). Однако эта риторика уходит на второй план, когда речь идет о конкретных действиях восставших в ходе планируемого восстания. Так, например, в Акте о восстании

⁴ Клод Мазорик (Claude Mazauric) — историк, автор объемной монографии “Babeuf”, выдержавшей четыре издания (1962—2009).

⁵ Ален Турен (Alain Touraine) — французский социолог в своей работе “Возвращение человека действующего. Очерк социологии” предлагает рассматривать образ общества как систему действия.

⁶ Le droit d’être home. P., 1968. P. 352.

были сформулированы положения: “Лица, узурпирующие суверенитет, должны быть преданы смерти свободными людьми” (ст. 3); “всякое сопротивление должно быть немедленно подавлено силой. Сопrotивляющиеся подлежат истреблению. Подлежат также смертной казни...” (ст. 12).

В-седьмых, в 1797 г. в Вандоме состоялся суд над участниками “Заговора во имя равенства”; им были предъявлены два пункта обвинения: 1) сговор с целью низвержения Конституции 1795 г. и замены ее Конституцией 1793 г.; 2) покушение на частную собственность путем установления общности имущества. Были вынесены различные приговоры. Некоторые заговорщики были казнены (Бабёф, по одной из версий, совершил в тюрьме самоубийство, и уже его труп был гильотинирован). Итог: коммунистический проект Бабёфа и бабувистов в 1796 г. во Франции не был реализован.

Суд мог состояться и над большевиками, им так же могли бы быть предъявлены обвинения в государственном перевороте, как это произошло с бабувистами, однако история пошла другим путем.

Л.Т. Бакулина, декан юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук, доц. Эволюционные и революционные средства правового регулирования

“Всемирные” и “великие”, “эпохальные” и “перманентные”, “тотальные” и “универсальные”, “кровавые” и “славные”, “промышленные” и “научные” — у революций много разных эпитетов, граней, трактовок, оценок.

Перефразируя П. Валери, из “уроков Великого Октября” “можно извлечь любую философию, любую мораль и любую политику”. Процесс смены мировоззрения эпохи, политического курса, общественно-экономических формаций (как впрочем, и научных парадигм, теорий, стереотипов поведения, ценностных ориентаций и проч.) длительный и сложный, но на определенных этапах развития человечества неизбежный. Самым трудным, на наш взгляд, в этих преобразованиях является не столько экономическая составляющая, сколько “переворот” в общественном сознании, понимание необходимости и готовность к переменам.

История многих цивилизаций отмечена повторяющимися периодами мощных переворотов, которые знаменовали стремительные перемены в общественной системе в целом и искали легитимации в фундаментальном законе, отдаленном прошлом, апокалипсическом будущем. В историческом смысле революция — это стремительная,

прерывная, насильственная перемена, от которой лопаются по швам правовая система⁷.

Революции создают новые формы правления и типы общественных отношений, новые структуры права и взгляды на общество, новые системы универсальных ценностей и убеждений. Так, один из первых декретов большевиков в 1917 г. гласил, что вся дореволюционная правовая система отменяется. Вследствие этого применять надлежало только декреты нового правительства, а пробелы в правовом регулировании следовало заполнять “революционным правосознанием”⁸.

Правосознание (не только революционное) занимает важное место в механизме правового регулирования, поскольку “обслуживает” все его стадии (этапы) и все элементы: в соответствии с правосознанием создаются нормы права, выносятся индивидуальные правоприменительные акты; оно влияет на акты непосредственных форм правореализации. Если все элементы механизма лишены дефектов и “смазаны”, механизм легко вращается, процесс правового регулирования достигает своей цели. Результатом действия механизма выступают законность и правопорядок⁹.

В социологической науке, несмотря на некоторые терминологические различия и несовпадения в отдельных деталях, складывается более или менее унифицированный подход к решению вопроса о типологии социальных взаимодействий. В основе предлагаемого деления лежит представление о том, что их качественное своеобразие зависит от соотношения социальных интересов сторон. Понимаемый подобным образом социально-психологический механизм взаимодействия людей проявляется в двух состояниях: с одной стороны, коллизии, конфликта, антагонизма, оппозиции, конкуренции, с другой — компромисса, сотрудничества, кооперации, организации¹⁰. Исходя из этого, все многообразие конкретных форм социальных взаимоотношений в обществе, как правило, сводится к дихотомии: сотрудничество

⁷ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 19.

⁸ Максимова О.Д. Революционное правосознание как источник советского права и законодательства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. II. 2014. № 9 (47). С. 88–94.

⁹ См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Учеб. для вузов. М., 2000. С. 350, 351.

¹⁰ См.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012. С. 252.

и соперничество (ассоциация и диссоциация, кооперация и конкуренция и т.д.)¹¹.

В современных исследованиях небезосновательно утверждается, что биполярность общественной жизни (соперничество и сотрудничество) влияет на характер (тип) правового регулирования¹². Существование двух альтернативных стратегий социального поведения объективно требует применения различных принципов, методов и средств правовой регламентации.

Правовое регулирование как волевое взаимодействие субъектов, опосредованное системой специально-юридических средств, направлено на предотвращение или разрешение социальных конфликтов. Праворегулятивная деятельность, обусловленная различиями в природе волевого взаимодействия субъекта праворегулятивной деятельности с участниками регулируемых общественных отношений, может осуществляться на двух основных уровнях: односторонне-властном и автономном (договорном), — качественное своеобразие которых связано с различиями централизованного и децентрализованного методов правового регулирования. Однако необходимо подчеркнуть, что правовые средства, свойственные централизованному и децентрализованному методу правового регулирования, действуют не изолированно, в пределах лишь одного уровня праворегулятивной деятельности, а в определенной взаимосвязи. Благодаря существованию системы межуровневых связей юридический инструментарий одного уровня правового регулирования, не теряя своего качественного своеобразия, способен в той или иной степени воздействовать на функционирование другого уровня правового регулирования, выбор и применение действующих там правовых средств.

Советская политическая система активно подчеркивала воспитательную роль закона и всенародное участие в юридических процедурах через товарищеские суды, народные дружины и передачу на поруки коллективу. В частности, советский «Моральный кодекс строителя коммунизма» содержит среди прочих такие принципы, которые, по мнению Г. Дж. Бермана, сближают правовые постулаты социализма с догматами христианства, что, в свою очередь, роднит его, несмотря на

существенные различия, и с либерально-демократическими идеями¹³.

Действенность способов, применяемых в правовом регулировании того или иного вида общественных отношений, определяется двумя факторами, которые с известной долей условности можно назвать внутренним и внешним. Во-первых, их социальной обусловленностью и обособленностью, соответствием используемых субъектом праворегулятивной деятельности правовых конструкций тем объективным рамкам дозволенного и должного поведения, которые сложились в той или иной сфере общественных отношений. Поэтому относительная свобода субъекта праворегулятивной деятельности в выборе способа правового регулирования отнюдь не означает возможность произвольного его определения. Во-вторых, адекватностью и репрезентативностью языковых средств, применяемых для словесного выражения дозволения и обязывания. Преодоление возможной неточности или неполноты языковой оболочки, в которой существует способ правового регулирования, требует дополнительного осуществления интерпретационной деятельности соответствующего субъекта.

В периоды революционных потрясений как базисные, так и надстроечные отношения допускают возможность иного понимания используемых средств и способов их правовой регламентации, в том числе и иной интерпретации имеющегося нормативно установленного инструментария. Так, по мнению В.И. Ленина, «Советы на местах, сообразно условиям места и времени, могут видоизменять, расширять и дополнять те основные положения, которые создаются правительством»¹⁴.

Следует заметить, что ни одной из социальных революций не удалось отменить ранее действовавшие законы в первый же день и установить новую прочную систему революционного права на второй день. Каждая революция переживала промежуточный период, когда новые законы, декреты, инструкции, приказы стремительно рождались и стремительно отменялись или заменялись. Однако каждая революция в конечном счете

¹¹ См.: Общая социология. Учеб. пособие / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М., 2004. С. 196.

¹² См.: Придворов Н.А., Трофимов В.В. Указ. соч. С. 255.

¹³ В частности, «кто не работает, тот не ест»; «забота каждого о сохранении и приумножении общественного богатства»; «один — за всех и все — за одного»; «честность и правдивость, моральная чистота, скромность, нетребовательность в общественной и личной жизни»; «бескомпромиссное отношение к несправедливости, паразитизму, нечестности, карьеризму, стяжательству»; «братская солидарность с трудящимися всех стран и со всеми народами» (см.: Берман Г. Дж. Указ. соч. С. 21).

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 56, 57.

примирялась с дореволюционным правом и многие его элементы, модифицируя, встраивала в новую правовую систему, отражавшую основные цели и ценности, ради которых собственно революция свершалась.

Проблема выбора, использования, эффективности тех или иных правовых средств обусловлена множеством факторов субъективного и объективного порядка. Можно бесконечно дискутировать относительно движущих сил революции, её итогов, роли личности в истории и проч., однако нет оснований сомневаться в необходимости любой властью использовать соответствующий месту и времени правовой инструментарий для управления общественными процессами и упрочения государственности.

А.В. Никандров, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. полит. наук. *Революция и диктатура пролетариата: ленинская концепция отмирания государства*

Юбилей Октябрьской революции не только подталкивает, но скорее даже обязывает представителей научного сообщества вспомнить отстоявшее уже на сто лет событие, перечитать книги, посвященные революции, прежде всего работы, как не так давно было принято говорить и писать, классиков марксизма-ленинизма (или просто “классиков”), в особенности труды В.И. Ленина, основателя советского государства. Часто можно услышать, что все это устарело и может интересовать разве что сугубых историков, занимающихся строго *данным периодом*. Однако именно Лениным были заложены основы советского государства и начертаны своего рода контуры советского права; Сталиным создано государство и в целом построена система права; последующими руководителями партии и государства это строительство было продолжено, — и это то, что стало фундаментом для современной российской государственности и отправным пунктом для развития российского права после ухода СССР в историю (несмотря на кажущийся разрыв с советской традицией в 90-х годах).

Политическая деятельность и работа над созданием и оформлением теории Ленина (и над ее, если угодно, совершенствованием — Сталина) заложили глубинные основы структуры советского общества, в котором партия пронизывала государство и право, находясь при этом над ними, так что советское государство и право были чем-то вроде “эманаций” партии (и почти мгновенно *потеряли силу* с ее исчезновением). Как ясно следует из сказанного, без обращения к ленинским работам,

посвященным проблемам государства, построению теории диктатуры пролетариата, обоснованию роли партии в “переходном государстве”, каковым выдвинулась ему диктатура пролетариата, равно как и в социалистическом государстве, не так много можно увидеть и понять в современных реалиях и проблемах российского государства, права и конституционализма.

Цель пролетарской революции — построение в перспективе коммунизма как справедливого общества на совершенно новых началах, без классов, без государства, без правовой системы. Главное препятствие на этом пути — “старое” государство. Соответственно, главная задача, которую должна решить революция, — уничтожение буржуазного (“старого”) государства вместе с буржуазным правом. Новое “государство” (пусть и устанавливаемое на время и предназначенное историей отмереть) будет “оснащено” и “новым правом”, сконструированным не взамен “старого”, но заново, несколько позже создания, по выражению Ленина, “пролетарского государства, или полугосударства”, т.е. диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата есть также пусть и довольно специфическая, но форма государства, причем связанная с отсутствием права и с насилием, важнейшей (но не единственной) задачей которого было уничтожение “старой машины”.

Уничтожение буржуазного государства — акт быстрый и безусловно связанный с насилием. Но с помощью насилия происходит уничтожение системы, которая основана на насилии же, ибо любое государство есть сила, машина подавления класса классом. То государство, с которым “имеет дело” пролетариат, по Ленину, есть продукт непримиримости классовых противоречий, непримиримости, которая никаким образом не может быть “излечена” (только разве что на время сглажена). Отсюда, убежден Ленин, с необходимостью следует, что “освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и *без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан...”¹⁵. Буржуазное государство — “машина” угнетения пролетариата, тогда как пролетарское — “машина подавления” побежденной и обреченной буржуазии. Так диктатура пролетариата как новая “машина подавления” должна уничтожить старую аналогичную машину (такова эта революционная “война машин”).

¹⁵ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М., 2010. С. 8.

Диктатура пролетариата как “политический переходный период” от капитализма к *более стабильному обществу, находящемуся уже на пути к коммунизму*, устанавливается на некоторое время, достаточное, чтобы справиться с сопротивлением “остатков буржуазии”, затем заменяется “менее воинственными” структурами “социалистического государства”, которые не перестают быть исторической частью переходного государства, или первого этапа на пути к построению коммунизма (“первой фазы коммунизма”). По исполнению задач, поставленных революцией и победившим пролетариатом, и по мере превращения общества в бесклассовое (т.е. ухода уже и пролетариата в прошлое) “государство переходного типа” отмирает, постепенно развеиваясь в историческом процессе. Таков ленинский постулат об “отмирании государства” — это скорее малозаметное истончение промежуточных от капитализма к коммунизму государственных (и, возможно, квазигосударственных) форм, институций и общественных структур, которые сами по себе не имеют особого значения в отношении к цели. Здесь речь идет скорее о “засыпании” государства, тогда как в отношении буржуазного государства, не уставали подчеркивать классики, никакой речи об отмирании быть не может — нужен только “взрыв старой государственной власти и ее замена новой” (Энгельс), ведь старую государственную “машину угнетения” нельзя ни реформировать, ни тем более “совершенствовать” (в самом деле, ведь тогда реформируется или совершенствуется *угнетение*), но лишь “сломать, разбить” (Ленин).

“Старое” государство и “старое” право должны быть, по Ленину, безусловно уничтожены. Что же такого опасного в “политических машинах”? Подчеркивая, что «революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* “аппарат управления” и весь государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих», Ленин не устает повторять, предостерегая тех, кто мог бы подумать воспользоваться некоторыми возможностями “старого аппарата”: “Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутинной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*”¹⁶.

“Старое” государство — и “старое” право. «Перспектива — “разрушение всей буржуазной законности”. Речь, конечно, шла не только об отмене прежних законов. Коль скоро они “буржуазны”, то “буржуазна” и вся юридическая система, в основе

которой принцип *законности*. Значит, он тоже подлежал отмене»¹⁷. Это — принципиальный момент, который Ленин как бы не замечает в “Государстве и революции” и ввиду очевидности не сильно акцентирует в других работах — уничтожение права, “старого права”, в “формате” которого новые принципы не могут быть ни обоснованы, ни введены в действие. Если Маркс и Энгельс уделяли должное внимание праву как общественному феномену (но оставили совершенно без внимания право при социализме), то Ленин равнодушен к праву вообще (система советского права будет в своих основах построена Сталиным). Причина такого отношения ясна: старое право обречено исчезнуть, а принципы нового еще не ясны, да и нет смысла торопиться даже и с размышлениями над ними. Вполне достаточно, допустим, для начала туманной *максимы* революционной совести (революционного правопорядка), затем — *идеологемы* революционной законности и лишь после этого — введения *принципа* законности социалистической (все толкования и разъяснения к которым оставались за правящей партией). Примерно такое же отношение проявляется и к государству. Поэтому нет оснований соглашаться с некоторыми исследователями, которые упрекают Ленина в небрежении по отношению к правовому государству¹⁸, — речь шла о его полном уничтожении и о построении уже на пустом месте нового (основанного на принципиально иных отношениях собственности), о полном разрыве со “старым миром”.

Как может показаться, Ленин *без основания* сводит “буржуазное государство” к “аппарату управления”, к “чиновничеству и постоянной армии”, выделяя лишь остов, каркас “машины подавления”, но оставляя без внимания двигатель и системы, равно как и *принципы управления*. Да, именно так, по сути, и обстоит, но эта редукция как раз *обоснована* тем, что все это предполагается уничтожить полностью и заменить совершенно новой “машиной”, построенной на новых принципах: “Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управляя при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он

¹⁷ Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2015. С. 256.

¹⁸ Так, Э.Л. Розин пишет: «Конечно, Ленин не был теоретиком государства. У него не было никакой четкой системы идей касательно государства вообще. Самое большее, что можно сказать о нем, — это то, что Ленин был архитектором государства диктатуры “пролетариата”, тоталитарного государства, создавшим учение о безбрежном классовом насилии “пролетариата” над абсолютным большинством народа» (см.: Розин Э.Л. Ленинская мифология государства. М., 1996. С. 15).

¹⁶ Там же.

разбил эту машину и командовал при помощи *новой* машины...”¹⁹. Но ведь “новая машина власти” практически создана (во всяком случае ее важнейшая часть — двигатель), и это — партия Ленина, партия большевиков, “партия нового типа”, которая готова взять управление в свои руки и которой совершенно не нужна “старая государственная машина” ни в целом виде, ни по частям.

Задачи, которые поставила перед собой партия, взявшая власть, были настолько колоссальны (это касается как доведения до конца “уничтожения старого мира”, так и построения нового государства и создания нового права), а перспективы, открывавшиеся перед новой “властной машиной”, настолько огромны, что она принципиально не могла сдерживать себя никакими ограничениями, никаким правом, даже подобием такового. Х. Арндт говорит о затруднении, которое встало перед основателями американской республики, и приводит проблему, которую пытался решить Руссо: чтобы найти форму правления, которая ставила бы закон над человеком, а затем ввести ее на практике, *il faudrait des dieux* (“нужны были боги”)²⁰. Перед партией встала проблема куда как масштабнее, что и богов было недостаточно, — построение нового государства, ни понятно рисунка, ни тем более точных чертежей которого у нее не было.

Коммунистическая партия также должна была стать (и стала) создателем совершенно новой, не бывавшей еще в истории системы права. Ясно, что сама партия при этом не могла быть включена, вписана в какую-либо систему права, — и вся система “старого” права была обречена на исчезновение. Поэтому любые “нити” связи со старым миром, с его “косностью и рутинной” должны быть порваны. Здесь дело не в том, что диктатура пролетариата не может быть ни вписана каким-либо образом в правовое поле, ни вообще функционировать в системе права (ведь, как прекрасно понимал Ленин, “всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу”²¹). В конце концов диктатура пролетариата временна, а ее эксцессы легко могут быть списаны на “ожесточенное сопротивление буржуазии”. Речь идет среди прочих прежде всего о “старых” принципах ограничения власти, верховенства права, разделения властей, парламентаризма, имманентных “буржуазному

обществу”, но совершенно “устаревших” с точки зрения “нового мира” (и, разумеется, “лживых”, согласно “новой риторике”; и уж во всяком случае совершенно не подходящих новым принципам собственности). Именно эти принципы должны быть отброшены, их действие как можно скорее прекращено, а соответствующие институты — безжалостно разрушены, отсюда столь жесткая и непримиримая ленинская риторика в отношении “старого мира”, риторика отрицания “буржуазного права” и “буржуазной демократии” как “хлама”, который должен быть отброшен.

А.В. Соловьев, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член Российской ассоциации политических наук. Алексис де Токвиль о политико-правовых предпосылках Французской революции (по работе “Старый порядок и революция”)

Столетие Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России притягивает внимание многих людей к этому событию. Оценочные суждения по поводу этого факта истории в значительной степени отличаются друг от друга, но по масштабам последствий, вызванных им, несомненно, данное событие значительно повлияло на развитие многих процессов XX в.

Желание понять закономерности возникновения всякой революции как социального, политического и правового феномена невольно подталкивает к более широкому его осмыслению. В этом отношении весьма интересна история Французской буржуазной революции, повлиявшей в свое время по крайней мере на ход европейской истории. Не так давно 200-летие Французской революции широко отмечалось во Франции, и не только в этой стране.

В этом контексте наше внимание привлекла работа Алексиса де Токвиля “Старый порядок и революция”, неоднократно переведенная на русский язык. Она не столь широко известна, но представляет не меньший интерес, чем его работа “О демократии в Америке”, написанная французским автором в более ранний период. Значение работы “Старый порядок и революция” для изучения процесса зарождения и осуществления революции можно оценить хотя бы по тому, что известный французский историк Ф. Фюре в своем исследовании о Французской революции неоднократно обращался к указанной работе своего предшественника, которую он высоко ценил. В качестве характеристики работы Токвиля о Французской революции он приводит слова французского историка Ж. Лефевра из введения, написанного тем к книге Токвиля, переизданной в 1952 г.: «“Старый

¹⁹ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 114.

²⁰ См.: Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 255.

²¹ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. С. 93.

порядок и революция” остается в моих глазах главной книгой во всей революционной историографии. Вот также, почему она всегда была, более века, бедной родственницей этой историографии, более цитируемой, чем читаемой, и более читаемой, чем понятой»²². Кстати, в России во второй половине XIX столетия появление книги Токвиля вызвало острые общественные дискуссии. В них были вовлечены представители разных политических взглядов, а поэтому оценки, данные ими этому сочинению, значительно отличались друг от друга²³.

Часто ответы на вопросы творческого развития автора мы находим в его биографии. Творческая биография А. де Токвиля не является исключением. После получения академической степени лиценциата по праву в 1826 г. Токвиль был назначен на следующий год судьей-аудитором в суде Версаля. В 1831 г. совместно с Г. де Бомоном он был направлен в командировку в США с целью изучения американской пенитенциарной системы. Результатом этой поездки стал доклад “О пенитенциарной системе в США и ее применении” (1832). Затем Токвиль становится адвокатом. В 1835 г. он опубликовал эссе “Социальное и политическое состояние Франции до и после 1789 года”, за которое получил орден Почетного Легиона (1837). Оно послужило основой для написания “Старого порядка и революции” и открыло ему двери Академии моральных и политических наук (1838) и Французской академии (1841). Неудивительно, что знания, накопленные в области права, ему захотелось применить в социальной и политической сферах. Приблизительно в это же время Токвиль начинает политическую карьеру, заняв пост депутата (1839–1851). В 1849 г. его избирают в Законодательную ассамблею, вице-президентом которой он становится. В том же году Токвиль возглавляет министерство иностранных дел. В 1851 г. он оставляет политическую деятельность, а в 1852 г. удаляется в свое владение, где начинает писать книгу “Старый порядок и революция”, вышедшую в 1856 г.

В ней автор ставит вопросы социального политического и правового характера. А. де Токвиль сразу же предупреждает читателя, что книга не является исключительно историей Революции. В предисловии он раскрывает замысел своего

сочинения: “Непосредственная задача сочинения, которое я предлагаю вниманию публики, состоит в том, чтобы объяснить, почему эта великая Революция, подготовлявшаяся одновременно почти на всем материке Европы, вспыхнула у нас раньше, чем в других местах; почему она как будто сама собой вышла из общества, которое ей предстояло разрушить, и наконец, как могла старая монархия пасть так окончательно и так внезапно”²⁴. Анализ этих событий был бы не очень убедительным, если бы основывался только на умозрительных рассуждениях. Чтобы понять смысл происшедшего, Токвиль сосредоточил внимание на внутренней политике предреволюционной Франции. Он рассматривал саму эту форму власти как политическое явление. Показательно, что термин “режим”, использованный Токвилем (и переведенный на русский язык как “порядок”), используется в современной политической науке наряду с понятием “политическая система”.

Как отмечают многие исследователи, Токвиль предложил оригинальное видение Французской революции – не как разрыва, а как завершения процесса, начавшегося несколькими веками ранее, результатом которого явилась централизация государства. Поэтому для него революция не являлась случайным феноменом. Он показал, как Людовик XVI ускорил революционные преобразования своими действиями: “Из тех реформ, которые были совершены им самим, некоторые резко и без достаточной подготовки изменяли старые и пользовавшиеся уважением привычки и порой нарушали приобретенные права. Таким образом, они подготавливали Революцию не только ломкой того, что стояло на ее пути, но еще в большей мере указанием народу приемов для ее осуществления”²⁵. Токвиль говорит о том, что Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой²⁶.

Токвиль полагал, что опыт Франции способен раскрыть общие механизмы исторического развития от реформаторского сценария к революционному²⁷. В исследовании французского философа присутствует не только описание “старого порядка”, но и говорится о последствиях его крушения. Он упрекает Э. Берка в том, что тот “не замечает того, что перед глазами у него – Революция,

²² Цит. по: *Furet François. Penser la Révolution française. Paris, 1989 (1978). P. 35.*

²³ См.: *Кочукова О.В. Из опыта осмысления истории Франции XVIII в. в контексте общественных дискуссий в России середины XIX в. (русские отклики на сочинение А. Токвиля) // Известия Самарск. науч. центра РАН. Т. 15. 2013. № 5. С. 19–22.*

²⁴ *Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 2017. С. 18.*

²⁵ Там же. С. 224.

²⁶ См.: там же. С. 44.

²⁷ См.: *Кочукова О.В. Указ. соч. С. 20.*

которая именно должна уничтожить этот старый закон, общий всей Европе; он не видит, что все дело именно в этом и больше ни в чем”²⁸. Политико-правовой подход отличает рассмотрение Токвилем форм правления. Так, абсолютизм для него не произвол, который характеризуется бездействием законов, но деспотическое правление (он использовал также синонимы — всевластие, тирания), где власть правителя имеет ограничения. Это переходная форма политической организации общества от аристократии к демократии, опирающаяся на законы, но не учитывающая интересов общего блага.

На основании исследования исторической специфики предреволюционной Франции А. де Токвиль в первой главе сочинения пишет о парадоксе, согласно которому Франция оказалась первой страной, пережившей Великую революцию, коренным образом изменившую общественный порядок, хотя страна в политическом отношении была наиболее развитой. Шестьдесят лет спустя В.И. Ульянов (Ленин) по поводу России утверждал обратное. Он говорил о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, представлявшей собой “слабое звено в цепи империализма”.

Следует отметить, что выводы и положения, отстаиваемые Токвилем в его книге, не являются отвлеченными. Автор пришел к ним, ознакомившись с огромным числом документов, что придает его произведению уникальную ценность. Однако по прошествии времени история (вернее, историография Французской революции) была по-новому рассмотрена французским историком Ф. Фюре в его трудах, в частности в предсмертном произведении, получившем в русском переводе название “Постижение Французской революции” (*“Penser la Révolution française”*, 1978). В ней он подверг критике ряд положений, выдвинутых А. де Токвилем. Однако эта критика не столь бесспорна. Ф. Фюре значительно уступает последнему в степени погружения в исторические источники, ссылаясь в своих произведениях на мнение других авторов²⁹. Вместе с тем он прозорливо отметил незавершенность исследования той революции, утверждая, что по-настоящему беспристрастная история Французской революции еще не была написана, даже в самой Франции.

²⁸ Токвиль А. де. Указ. соч. С. 45.

²⁹ См.: Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль о монархии Старого порядка (в контексте анализа исторических предпосылок Великой французской революции) // Вестник Томск. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 176.

Наверное, аналогичное суждение можно сформулировать по поводу Октябрьской революции 1917 г. в России.

Р.Ф. Степаненко, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) государственного университета, зав. кафедрой теории и истории государства и права Университета управления “ТИСБИ” (г. Казань), доктор юрид. наук. *Революционное правосознание в истории российской государственности*

Система знаний о существе правосознания, причинности и природе его преобразований должна ретранслировать исторически объективные знания о происходящих в тот или иной период, в тех или иных государствах событиях. В этом контексте актуализируется одна из фундаментальных проблем теоретического правоведения — генезис правосознания, представляющая научный интерес с точки зрения эволюции государственности, в том числе в периоды её революционных преобразований.

Как известно, качественное состояние правового сознания во многом зависит от общего культурного, интеллектуального, образовательного, нравственного развития и воспитания членов общества, но формируется оно и на уровне чувств, эмоций, инстинктов, влечений и потребностей биопсихологического характера.

О предполагаемых результатах и причинности формирования революционного правосознания, безусловно, говорила российская юридическая научная интеллигенция накануне исторических событий 1917 г. Работа известного русского социолога права Н.С. Тимашева “Преступное возбуждение масс”, извлечение из которой было опубликовано в Декабрьской книге Журнала Министерства юстиции за 1914 г., имела, на наш взгляд, серьёзное научно-практическое значение с точки зрения прогнозирования острейшей социально-политической ситуации предреволюционного периода.

Подвергая доктринальному критическому анализу содержание составов преступлений, предусмотренных ст. 129–132 Уголовного уложения (1903 г.), посягающих на основы верховной власти и в целом государства, Н.С. Тимашев изучает материалы судебной практики и труды ученых правоведов того периода. К существенным упущениям кодифицированного уголовного законодательства Российской Империи автор относит недостаточное внимание законодателя к конкретизации “особой цели”, объекта, способов и методов совершения общественно опасных деяний, связанных с “преступным возбуждением масс”. Объективная опасность для общества и государства данных

преступлений, подчеркивает автор в самом начале работы, заключается в их воздействии на *широкие круги населения, не всегда способного разобратся в целях “вредоносных” учений и агитаций.* Преступное возбуждение масс особо опасно “по кругу лиц, если оно обращено к индивидам, *не могущим противопоставить прививаемым мотивам достаточного количества сдерживающих представлений*”³⁰. Революционные воззвания, прокламации, рукописи, целые исследования, учения, изображения, выступления и другие формы, возбуждающие совершение преступных деяний против государства и права, имеют своей *особой целью* пропаганду насильственного свержения строя, а лица, среди которых эти учения распространяются, *не могут оказать надлежащего противодействия, но их возбуждение представляет опасность для государственного спокойствия.* Существенным признаком данных объектов преступлений, отмечалось автором, является их групповой характер (толпа, масса, сборище людей)³¹.

“Несомненно, что опасность для государственного спокойствия представляет... такое настроение граждан, когда *утрачивается сознание недопустимости учинения недозволенных деяний и, более того, возникает стремление к учинению недозволенных действий*”. “В большей мере виноват в этом сам закон. Текст его настолько неудовлетворителен, что те ограничения, которые нам удалось найти, в значительной степени остались неотмеченными в литературе, все время искавшей корректив в субъективной стороне. Нечего и говорить, что *закон не приспособлен к нашему обновленному государственному строю*”³², — открыто утверждал Н.С. Тимашев.

Не приспособленным к государственному строю в тот период оказалось не только действующее право, но и экономика. К началу XX в. около 3/4 российского населения составляло крестьянство, оно же было его беднейшей частью. Бегство сельских жителей в города сопровождалось привнесением неразрешимых проблем жизнедеятельности социально не защищённых слоёв в городскую инфраструктуру и культуру реципиентного сообщества. Анализируя социально-культурный состав лиц, представлявших народные массы с революционным правосознанием, исследователи общеправовой теории маргинальности отмечают, что накануне революции в Москве и Санкт-Петербурге

(Петрограде) проживало (находилось) огромное число нищих, лиц без определённого места жительства, солдат, вдов военнослужащих, лиц, дезертировавших с фронта, беглых крестьян, инвалидов, получивших увечья в военных действиях, детей и подростков — сирот, неквалифицированных рабочих, безработных и т.д. Из них 2/3 с трудом умели читать, многие занимались бродяжничеством, попрошайничеством, проституцией, около 90% были неграмотными. Их неустойчивое, “пограничное”, периферийное (маргинальное) правосознание было гуттаперчевым и легко поддавалось манипулированию³³.

Кроме того, преобладающее большинство революционно настроенных лиц имели крестьянское (рурализованное) “податливое” сознание. Именно эта нереализованная энергия необразованных, обездоленных народных масс была замечена, использована и затем “погашена” радикальными, революционными проектами зарождавшейся новой власти. Использование “маргинально-барачной” (Е.Н. Стариков) субкультуры “маргинально-люмпенским блоком” власти (Б.Н. Шапталов) предрешило в числе прочего свержение монархии с чудовищными актами физического уничтожения царской семьи, а также победу Великой революции как “праздника для угнетённых и эксплуатируемых” (В.И. Ленин).

На самом деле правосознание таких социально не защищённых масс, в особенности не отягощённых интеллектуальными способностями, всегда революционно. Оно становится протестным тогда, когда им движет элементарная потребность в удовлетворении таких природных (естественных) прав, как необходимость жилья, одежды, лечения социально-опасных заболеваний (тиф, холера и т.д.), голод. Совершенно очевидно, что сознание такого человека почти всегда отвергают или отторгают действующие право и власть. Последняя, как право и экономика, также оказалась неприспособленной к историческому развороту событий 1917 г.

Как отмечал в известной работе “Размышления над Февральской революцией” А.И. Солженицын, на самом деле Февральская революция была “проиграна властью еще до революции”. Первым “выстрелом революции” автор называет “убийство деревенского мужика Распутина”, заставившее народ задуматься о своей судьбе и о том, как ею могут распорядиться власть имущие. Ничтожество

³⁰ Тимашев Н.С. Преступное возбуждение масс по действующему русскому праву (статьи 129—132 угол. улож.). Пг., 1915. С. 6.

³¹ См.: там же. С. 10, 11.

³² Там же. С. 37, 62.

³³ См.: Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности // Ученые записки Казанск. ун-та. Сер. “Гуманитарные науки”. Т. 155. 2013. № 4. С. 46—54.

власти и “хлебная петля”, затянувшаяся на шею русского народа, породили “особый противодар” революционного правосознания большевиков – “притягивать к себе ничтожества и держаться за них”. Тысячи искалеченных, сошедших с ума, обездоленных, нищих, бездомных рабочих и крестьян могли бы свершить революцию и победить никем не управляемые, ведь их объединяло революционное сознание. “Монархическое же правосознание не смогло объединить даже двух братьев” (Николай и Михаил Романовы), писал А.И. Солженицын³⁴.

Переполюнявившееся инстинктами и эмоциями сознание народных масс, поверивших в силу своего “могущества”, стало поистине революционным. Однако не только при помощи речей и лозунгов подвергалось массивному воздействию оказавшееся в пограничном (маргинальном) состоянии русское национальное правосознание. Агитаторы захвата власти использовали целую индустрию, “кованшую” революционное правосознание. Революционная поэзия, речи, одежда, искусство, живопись, музыка, скульптура – всё объединяло в едином идейном порыве, “растворяя” в нём отдельную личность и бесчисленные сломанные судьбы и жизни.

Опыт якобинской диктатуры оказался здесь не лишним. Объявление новой эры, террор против “врагов революции” и их физическое уничтожение, издание декретов, создание революционных трибуналов и многое другое не признавало никаких послаблений. По примеру “бешеных” (идеологи плебейства времен Французской революции) позиции авангарда революции – партии большевиков – только усиливались. Страх и одновременно ненависть к врагам объединяли мощнейшую пролетарскую идеологию, утверждавшуюся в психологии революционного правосознания вершителей и исполнителей Великой Октябрьской социалистической революции.

Спустя десятилетия А.Я. Вышинский, определяя политический курс советской теории государства и права, подверг сокрушительной критике психологическую школу права и её сторонников. Ошибочными взглядами на правовые отношения как форму определенного индивидуально-психического состояния, вызывающими недоумение, назовет А.Я. Вышинский позицию автора учебника по теории государства и права тов. Денисова.

“Конечно, психологическая школа заслуживает разоблачения”³⁵, – утверждал автор.

В теории государства и права досоветского периода нет фундаментальных исследований феномена революционного правосознания, возможно, в том числе и по отмеченной нами причине. Известны трагические судьбы правоведов Е. Пашуканиса, Н. Крыленко и др., реально “предостерегавших” учёных в том числе и от таких исследований.

Позиции представителей революционного и пост-революционного юридического сообщества подтверждают известные положения о революционном правосознании как “*средстве достижения поставленных победившим пролетариатом целей*”, в том числе для создания затем “пролетарского” и “крестьянского”, по М.А. Рейснеру, права.

Эти положения были реализованы в Декрете о суде № 1. В нём *деятельность новой юстиции* (в условиях отсутствия позитивного права) *ориентировалась и основывалась на революционном правосознании*, которое находило реализацию в работе народных судов, революционных трибуналов и Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (ВЧК). “Революционное правосознание” наделялось безграничными полномочиями при решении этими органами судеб лиц (групп), признававшихся врагами народа, при осуществлении “красного террора”.

Примечательно, что проведение репрессий с использованием “механизмов революционного правосознания” было в дальнейшем осуществлено и в отношении самих бывших руководящих сотрудников ВЧК и соратников Ф.Э. Дзержинского – авангарда революции (А.Х. Артузов, М.Я. Лацис, М.С. Кедров, Я.Х. Петерс и др.), несмотря на их заслуги на революционном фронте.

Представляется, что революционное правосознание было, по сути, глубоко иерархичным. У вождей пролетариата оно отличалось заметным прагматизмом. В широком смысле “интуитивным” оно оставалось у необразованных революционных народных масс, до сведения которых не всегда доводились цели и содержание издаваемых законов. Носители же высокого уровня “революционного правосознания”, будучи образованными, в том числе юридически, сумели реализовать поставленные задачи и организовать мощнейшее политическое протестное движение “угнетённых

³⁴ См.: Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Родина. 2017. № 2.

³⁵ Цит. по: Кодан С.В. А.Я. Вышинский и подготовка учебников по теории государства и права: идеологический контекст развития советского правоведения // Росс. юрид. журнал. 2016. № 1. С. 215.

и эксплуатируемых народных масс” как в России, так позднее и за рубежом. Слишком хороша и неоспорима была идея Справедливости, Равенства и Свободы, лежавшая ранее в основе преобразований зарубежных государств, различными оказались итоги.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Ленинское учение о государственной дисциплине и его отражение в советской юридической науке

Дисциплина с точки зрения марксистской теории является исторически обусловленной категорией и присуща любому совместному коллективному труду. К. Маркс указывал, что люди в процессе производства вступают в общественные отношения и связи друг с другом, которые требуют согласованности их деятельности, дисциплины труда³⁶.

Основные положения о сущности, возникновении и развитии социалистической дисциплины были разработаны В.И. Лениным еще в первые годы Советской власти. После победы социалистической революции он выделил две основные задачи, стоявшие перед победившим пролетариатом. В декабре 1917 г. в работе “Как организовать соревнование?” он писал: «Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также — кроме “военных” мер подавления сопротивления эксплуататоров — громадных организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства»³⁷.

Взяв политическую власть в экономически отсталой стране, руководство государства столкнулось с необходимостью укрепления экономики, организации производства на иных, социалистических началах. Ленин обращал внимание, что если введение трудовой повинности (с целью наиболее полного использования материальных и трудовых ресурсов) с ее обязательной регистрацией представителей эксплуататорских классов, строгим контролем и жесткими требованиями для богатых представляло собой в большей степени “борьбу с эксплуататорами”, то применение ее принципам к трудящимся раскрывало иную сторону деятельности. “Задача установления трудовой повинности в этой области превращается в задачу установления трудовой дисциплины и самодисциплины”³⁸, — писал он в марте 1918 г.

Ленин придавал большое значение дисциплине как одному из главных факторов социалистического преобразования общества, основанного на крупном промышленном производстве и требующего совместных усилий огромных масс трудящихся в деле построения социализма.

В этой связи в первоначальном варианте статьи “Очередные задачи Советской власти” вождь пролетариата указывал, что “создание дисциплины среди трудящихся, организация контроля за мерой труда, за интенсивностью труда, введение специальных промышленных судов для установления меры труда, для привлечения к ответственности всякого злостного нарушителя этой меры, для систематического воздействия на большинство в целях повышения этой меры, — все это ставится теперь на очередь как злободневнейшая задача Советской власти”.

В этой же работе В.И. Ленин обратился к теоретическим вопросам возникновения социалистической дисциплины, ее отличиям от дисциплины при капитализме: “В старом капиталистическом обществе дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода”³⁹, социалистическая дисциплина рождается в среде самих трудящихся из числа наиболее передовых как “добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы”⁴⁰. Впервые в истории дисциплина труда перестала быть преимущественно частью организации производства и, оставаясь своими корнями в базисе, приблизилась к таким надстроечным категориям, как культура и демократия. Подчеркивалось, что при капитализме организующим началом является стихийно растущий национальный и интернациональный рынок, в то время как социализм требует создания новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов.

Дисциплина, таким образом, превращается из необходимой составной части производства в средство его организации и обобществления, из метода угнетения трудящихся — при повышении уровня сознания — в форму организации социалистического общества, в метод построения производственных отношений и деятельности всего общества. Одновременно социалистическая дисциплина рассматривалась и как метод решения коренной задачи социалистической революции: повышения производительности труда. Ленин писал, что для этого потребуются обеспечение материальной базы крупной индустрии

³⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 337.

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 196.

³⁸ Там же. Т. 36. С. 144.

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Там же. С. 156.

и, “во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения..., во-вторых, <...> повышение дисциплины трудящихся, умения работать, скорости, интенсивности труда, лучшей его организованности”⁴¹. Процесс становления социалистической дисциплины виделся как объективный процесс, непосредственно связанный со строительством и укреплением социалистического государства, процесс сложный и кропотливый. Дисциплина, будучи явлением классовым, приобретала с точки зрения марксистско-ленинской теории при социализме черты сознательности и добровольности, но, тем не менее, была невозможна без строгого соблюдения отношения подчинения, соблюдения общих интересов, воли большинства. Как отмечал В.И. Ленин, “мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству”⁴².

Таким образом, у любой дисциплины две стороны: она всегда имеет момент сознательный (добровольный) и момент принудительный. Именно сочетание этих двух моментов дает реальное содержание дисциплины в различные исторические моменты: в зависимости от содержания демократических и диктаторских начал в самом государстве. Именно в соединении этих двух начал видел В.И. Ленин решение задачи установления социалистического порядка: “Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица — советского руководителя во время труда”⁴³. Поэтому позднее советские ученые давали такое определение дисциплины труда: “Любая дисциплина труда предполагает беспрекословное подчинение работника руководителю процесса труда, но в социалистическом обществе данное подчинение сознательное, добровольное, исходящее из внутреннего убеждения граждан, из понимания своего общественного патриотического долга — активное участие в производстве, борьба за улучшение организации труда и повышение его производительности”⁴⁴.

Становление социалистической дисциплины труда вряд ли было возможно без применения жестких мер к ее нарушителям со стороны руководителей предприятий (возможности штрафовать,

увольнять, переводить на другую работу и т.д.). В этой связи уместно вспомнить такие меры “борьбы” за дисциплину сталинского времени, как признание прогулом всякого нарушения без уважительной причины рабочего времени более чем на 20 минут, установление судебной ответственности за прогул по неуважительной причине в виде исправительных работ на срок до шести месяцев с удержанием 25% заработка и тюремного заключения от двух до четырех месяцев за самовольный уход с работы.

В то же самое время огромный размах приобрело социалистическое соревнование, которое также имело дисциплинирующее воздействие на трудящихся⁴⁵; народное хозяйство СССР, основываясь на пятилетних планах, развивалось динамично за счет сознательного высокопроизводительного труда людей, что наиболее полно выразилось в стахановском движении. Идея сочетания принуждения (неэкономического) и убеждения в деле укрепления дисциплины на долгие годы стала ведущей, хотя надо признать, что на практике больше преобладали неэкономические формы укрепления дисциплины, а в теории стало господствовать положение, абсолютизирующее сознательную сторону дисциплины труда⁴⁶.

В дальнейшем не только трудовая, но и воинская, партийная, государственная дисциплина сыграла важную роль в борьбе с фашистскими захватчиками, а затем и в восстановлении разрушенного народного хозяйства страны. Способы поддержания дисциплины во многом оставались неизменными вплоть до 80-х годов. Например, исследователи обращали внимание, что методы наведения порядка и укрепления дисциплины в 1983 г. были ярким образцом апробирования идеологии и практики реставрации сталинизма⁴⁷.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в советской юридической науке дисциплина часто рассматривалась как важная составляющая социалистической законности, служащая “поддержанию и соблюдению порядка, необходимого для нормального функционирования любого общества”⁴⁸. “Все государственные и иные органы,

⁴¹ Там же. С. 180.

⁴² Там же. Т. 33. С. 83.

⁴³ Там же. Т. 36. С. 303.

⁴⁴ Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР. М., 1969. С. 5.

⁴⁵ Достаточно привести такие данные: “Весной 1929 года социалистическое соревнование охватило половину общей численности рабочих, больше 2 млн человек, в том числе 650 тыс. металлостов, 600 тыс. горняков, 450 тыс. текстильщиков, значительную часть железнодорожников” (см.: Правда. 1925. № 268).

⁴⁶ См.: Социалистическая дисциплина труда. Сб. документов. М., 1984. С. 148, 172.

⁴⁷ См.: Вопросы экономики. 1988. № 10. С. 6.

⁴⁸ Манешин В.С. Дисциплина и общество. М., 1984. С. 74.

должностные лица обязаны неукоснительно и точно выполнять возложенные на них государством и его полномочными органами задачи и обязанности⁴⁹, т.е. соблюдать государственную дисциплину. Одни авторы при этом считали граждан субъектами государственной дисциплины⁵⁰ и, соответственно, включали в перечень разновидностей государственной дисциплины трудовую дисциплину. Другие — относили к ним лишь государственные органы, предприятия, организации и должностных лиц⁵¹ и не рассматривали трудовую дисциплину как разновидность государственной (что, конечно, было неверно с точки зрения ленинской характеристики дисциплины как дисциплины объединенного труда). В советской юридической науке различали также дисциплину в объективном и субъективном смыслах, имея в виду под первым формальную сторону (наличие правил, определенный порядок) и под вторым — фактическую (соблюдение этих правил на деле)⁵². В специальной литературе того времени практически только был поставлен вопрос об отнесении категории “государственная дисциплина” к числу новых широких категорий теории государства и права. В основном же данная категория рассматривалась в специальной юридической литературе, касавшейся вопросов финансового, административного, трудового права.

Время породило возникновение таких разновидностей государственной дисциплины, как “дисциплина поставок”, “дисциплина перестройки”, “самодисциплина” и др. В условиях курса на перестройку именно на воспитание самодисциплины было ориентировано движение за коллективную гарантию трудовой и общественной дисциплины, одобренное соответствующим Постановлением ЦК КПСС⁵³. Предполагалось, что в условиях, когда весь коллектив по добровольному согласию всех его членов отвечает за нарушения отдельного работника, отказываясь от части материального вознаграждения, повышается не только чувство ответственности за собственную

работу, но и усиливается внимание коллектива к работе каждого. Переход к экономическим рычагам воздействия, таким образом, должен был способствовать не только повышению инициативы, активности каждого гражданина, но и развитию социалистической предприимчивости, которая понималась как “самостоятельность и нестандартность хозяйствующих субъектов во всех сферах общественно-экономической жизни; новаторство и новизна в достижении целей социально-экономического развития с опорой на собственную инициативу в противоположность исполнительской”⁵⁴ дисциплине. Подчеркивалось, что в текущий момент нужна “не дисциплина кулака, а дисциплина заинтересованная, осознанная и демократическая, что не страх, а экономические стимулы и гражданская совесть должны быть побудительными стимулами к работе”⁵⁵, при этом объективное и субъективное сливаются в действиях людей, дисциплина превращается в самодисциплину.

В настоящее время вопросы дисциплины как самостоятельной категории научного исследования оказались незаслуженно обделены вниманием ученых. Поскольку переход к рыночной экономике в нашей стране окончательно подтвердил необходимость прежде всего экономического стимулирования к труду, именно под этим углом зрения и рассматриваются в основном вопросы дисциплины. Однако остается достаточно много сфер общественной жизни, где общественная и государственная дисциплина являются необходимыми условиями безопасного и успешного развития. Представляется актуальной в наши дни разработка вопросов дисциплины, как минимум, в трех направлениях: наряду с трудовой деятельностью необходимо уделять внимание проблемам общественной дисциплины (например, в рамках проведения общественных и массовых мероприятий, в деятельности общественных организаций, в неорганизованной общественной деятельности, в том числе в электронных системах общественных коммуникаций) и, конечно, дисциплине в сфере нормотворчества, государственного и муниципального управления. Практика общественной жизни дает тому много оснований. Достаточно упомянуть о невыполнении в срок майских указов Президента РФ, нарушениях бюджетной дисциплины, включая нарушения, касающиеся выплаты зарплаты в бюджетной сфере, многочисленных нарушениях в банковской и финансовой сферах. Многочисленные ссылки на мифический

⁴⁹ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 85.

⁵⁰ См., например: 70 лет Советского государства и права / Под ред. А.И. Королева, Ю.К. Толстого, Л.С. Явича. Л., 1987. С. 455, Государственная дисциплина и социалистический правопорядок / Авт. кол.: Д.А. Керимов, Г.В. Атаманчук, Н.Г. Кобец и др. М., 1985. С. 14.

⁵¹ См.: Лебедев В.М. Государственные решения в системе управления социалистическим обществом. М., 1974, С. 289; Чхикадзе В.М. Государство. Демократия. Законность. М., 1967. С. 387.

⁵² См., например: Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948. С. 120.

⁵³ См.: Правда. 1987. 4 мая.

⁵⁴ Горланов Г.В., Карпов В.В., Рязанов В.Т. Социалистическая предприимчивость. М., 1988. С. 6.

⁵⁵ Правда. 1988. 6 нояб.

“человеческий фактор” при возникновении техногенных аварий в ЖКХ, на транспорте, при падении самолетов и космических ракет, возникновении пожаров и иных чрезвычайных ситуаций, по сути, “сигналят” о нарушениях производственной и технологической дисциплины. Поэтому дисциплина, безусловно, должна рассматриваться в настоящее время как условие не только успешного развития конкретных организаций и предприятий, но и эффективного управления государством в целом и как гарантия общественной безопасности.

А.В. Пищулин, ассистент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Динамика государства как теоретико-правовая проблема

Проблематика нашей сегодняшней конференции не случайна и весьма актуальна. Проблема государства и революции в их соотношении является классической, но в то же время и злободневной постановкой вопроса. Но хотелось в данном случае сформулировать тему шире: динамика государства как проблема теории государства и права.

Прежде всего для теории государства и права, как ни странно, проблемой является само государство, в том числе признаки современного государства. Традиционно теория государства и права рассматривает признаки государства, очевидно, опираясь на классическую работу Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”⁵⁶, и, соответственно, зачастую как некую данность, без динамики их развития. Например, возьмем, допустим, суверенитет и автаркию, как ее описывает в своей классической работе Еллинек⁵⁷. Идентичны ли эти явления? Можно ли сделать вывод, что суверенитет как признак присущ любому государству? Мы видим, что суверенитет часто описывается как некая извечная политико-правовая данность без указания на динамику развития указанного признака. Нередко осуществляется проекция современных понятий на исторические периоды, когда таких явлений в современном их понимании, по-видимому, просто не существовало. И в этом смысле, несмотря на то что признаки государства, несомненно, важны для понимания его сущности, теория государства и права концентрируется зачастую на статике и на исключительно формально-юридических моментах, характеризующих государство. Если

очевидно, например, из работ В.Е. Чиркина⁵⁸, что проблемы формы правления или проблемы государственного устройства разработаны теорией государства и права достаточно детально, то все, что касается динамики государства и, тем более, государственности, отходит в теории государства и права на задний план. Здесь сказываются, может быть, и некая инерция научной советской традиции, и, конечно же, безбрежный материал, с которым предстоит столкнуться ученым, если рассматривать динамику государства.

При знакомстве с последними работами именно по государственности совокупность факторов, которые влияют на государство, и внешних факторов, и международной системы, и внутренних факторов, и экономических, и политических, и социологических свидетельствует о следующем: чтобы понять сущность динамики государства, нужно быть междисциплинарным специалистом⁵⁹. Таким образом, широта темы, по всей видимости, пугает современных теоретиков государства и права.

Другой проблемой является то, что в проблеме государственности много идеологических моментов. Если брать советскую эпоху, то идеологический крен в научных исследованиях был очевиден, и каковы должны быть выводы о той или иной государственности было всем известно заранее. Но сейчас, несмотря на то что объявлена научная деидеологизация, создается впечатление, что многие российские исследователи просто боятся изучать подобные темы, потому что можно быть обвиненным в том, что тот или иной ученый пропагандирует те или иные взгляды, ту или иную идеологию.

Немаловажно, что с точки зрения динамики государства в отечественных исследованиях почти полностью выпадает тема так называемого неудавшегося государства. В западной науке это явление называют “*failed state*”. Понятное дело, что исследователи неудавшегося государства зачастую опираются на определение государства, данное Вебером, и, очевидно, больше — на фактическую способность осуществлять публичную власть, нежели на схему, принятую у российских теоретиков, которые берут за основу определение Энгельса. Но, тем не менее, проблемы неудавшегося государства показывают всю трудность динамического процесса, которую проходит государственность. С одной

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. М., 1961. С. 177.

⁵⁷ См.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 421–486.

⁵⁸ См., например: Чиркин В.Е. Государствоведение. М., 1999; *Его же*. Современное государство. М., 2001; *Его же*. Законодательная власть. М., 2008.

⁵⁹ См.: Leibfried S., Huber E., Lange M., Levy J.D., Nullmeier F, Stephens J.D. eds The Oxford Handbook of Transformations of State. Oxford, 2015. P. 1–32.

стороны, есть определенные теоретико-правовые модели, признаки, которым государство формально должно соответствовать. Однако, тем не менее, неспособность осуществлять по факту публичную власть, ее слабость, разрозненность в территориях, непризнание определенными этносами, группами, проживающими на определенной территории, границ государства, постоянные локальные войны, невозможность надлежащим образом собрать налоги — все это, конечно, свидетельствует о том, что существенные проблемы с воплощением в реальность формальных признаков государства есть у многих государств⁶⁰. Понятно, что эта тематика тоже достаточно идеологизированна. Можно обвинить тех, кто составляет списки так называемых неудавшихся государств, в определенной ангажированности и, очевидно, тенденциозности в том, что мы объявляем одно государство более успешным, чем иное. Действительно, все зависит во многом от критериев, которые выбирают в качестве определяющих при определении состоятельности государства.

Что касается революции, в том числе Октябрьской революции, по поводу которой и состоялась конференция, понятно, что многие науки пытаются исследовать закономерности возникновения революционных ситуаций: можно упомянуть классическую работу “Социология революции” Питирима Сорокина⁶¹, есть много исторических исследований на эту тему. Тем не менее можно вспомнить утверждение Ленина в феврале 1917 г. о том, что он не ожидает никакой социалистической революции в ближайшее время⁶². Однако она случилась в скором времени.

Не приходится отрицать всех объективных и субъективных факторов, которые пытаются выделять исследователи в качестве предпосылок революции, но момент и прогноз такого события составить весьма трудно. Скорее всего, может быть, даже практически невозможно.

Конечно же, с точки зрения динамики государства теоретики государства и права не обращают внимания на проблему распада государства. Хотя

некоторые иностранные политологи, исследующие данную тему, пытаются выделять различные факторы распада государств вплоть до утверждений о закономерностях “смерти” государства⁶³. Как теоретику комментировать тот факт, например, что с 1816 г. распалось 207 государств, как утверждают политологи, или, например, распад государства и его новое возрождение спустя несколько десятков лет?

Таким образом, тема динамического аспекта государства и государственности исследована теорией государства и права крайне скудно. Поставленные вопросы достаточно трудны, требуют некоего нового подхода и теоретико-методологического осмысления.

Л.В. Лукьянчикова, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. юрид. наук. Значение традиций общинного самоуправления в российской революции 1917 г.

В дискуссии, посвященной революции и государству, большое внимание вызывают революционные события в России 1917 г., причем накал эмоций и оживленных споров приходится на Октябрьскую революцию 1917 г. и в целом на пришедших к власти большевиков. Между тем имеются все основания считать, что процесс свержения монархии и установления социалистического строя во многом был обусловлен компонентами российской ментальности, изменения общественно-политических реалий происходили на подготовленной почве.

В большинстве районов страны процесс установления советской власти в первые месяцы после Октября 1917 г. был быстрым и проходил в большей степени мирным путем. К весне 1918 г. советская власть почти повсеместно утвердилась в деревнях центральных губерний России, в большинстве городов и заводских поселков Урала и т.п. Развитие российской революции имело в различных регионах свою специфику, однако были и общие ее закономерности, которые зависели от традиций крестьянства, т.е. подавляющей части населения. Несмотря на внутреннюю его миграцию и некоторый кризис его ценностей, вызванный экономической модернизацией второй половины XIX в., участие крестьян во внутреннем общинном самоуправлении и в государственной жизнедеятельности напрямую зависело от природы его правомочий на владение и пользование земельным фондом. Именно коллективное землепользование,

⁶⁰ См., например: *Boas M., Jennings K.M.* Insecurity and development: the rhetoric of “failed state” // *Europ. J. Dev. Res.* 2005. Vol. 17. No 3; *Brinkerhoff Derrick W.* State fragility and failure as wicked problems: beyond naming and taming // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35. No 2; *Giorgetti C.* Principled approach to state failure: International community actions in emergency situations. Boston, 2010. P. 333–344; *Rotberg R.I.* Failed states, collapsed states, weak states: causes and indicators // *State failure and state weakness in time of terror* / Ed. by R.I. Rotberg. Wash. (D.C.), 2003.

⁶¹ См.: *Сорокин П.* Социология революции. М., 2005.

⁶² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328.

⁶³ См., например: *Fazal T.M.* State death in international system // *International Organization* 58. 2004. P. 311–344.

приоритет общих интересов над частным, принцип социальной справедливости на использование и распоряжение имевшихся в крестьянской общине природоохозяйственных ресурсов, веками сохраняемые “мирским укладом”, к 1917 г. явились самым востребованным в обществе пакетом социально-политических идеалов⁶⁴.

Большевистским правительством как раз и был воплощен основной наказ крестьян об уравнительном землепользовании и общинном владении, о котором они неоднократно заявляли в высшие государственные инстанции. В период деятельности дореволюционной Государственной думы, например, из 200 приговоров местных крестьянских сходов Воронежской и Самарской губерний, направленных в Думу первых трех созывов, требование земли в форме лозунга “Земля и воля!” содержали 52 и 55 приговоров соответственно, а требование передачи надельной земли в частную собственность крестьянам содержалось только в одном приговоре, т.е. крестьяне не были сторонниками частной собственности на землю и считали, что пользоваться землей должны те, кто ее обрабатывает⁶⁵.

Экономист-аграрник начала XX в. К.Р. Качоровский, используя данные земской статистики по 182 уездам, сибирские экспедиционные исследования по 13 округам и материалы общинного землеустройства донских, кубанских, терских и уральских казаков, пришел к выводу, что только община способна обеспечить прогресс в сельском хозяйстве и, соответственно, России как аграрной страны. Рассматривая общину бывших государственных крестьян как общину вольную, натуральную, основанную на обычном праве, автор сделал о ней вывод как не только о жизнеспособной форме общественной организации, но и о лучшей модели социально-политического устройства⁶⁶.

Яркое подтверждение тому – аграрная реформа П.А. Столыпина, которая не нашла поддержки у большинства крестьян. Ее проведение имело замедленные темпы, например, в приговорах сельских сходов Курской губернии зачастую фигурировал отказ в передаче земли в личную

собственность⁶⁷. По данным статистики, к 1906 г. население России составляло примерно 145 млн человек, из них городских жителей было 14.2%⁶⁸.

В течение 1906–1913 гг. в рамках переселенческой программы всего за Урал переселились около 3.5 млн крестьян, около 500 тыс. крестьян были вынуждены вернуться обратно⁶⁹.

Анализ крестьянских наказов и приговоров после Февральской революции сохранил неизменность позиции села в аграрном вопросе – выборка 229 земельных постановлений сельских и волостных сходов, уездных и губернских крестьянских съездов показала, что в 80% из них отстаивался “общинный принцип пользования землей и безвозмездное отчуждение всех земель”⁷⁰. То же требование содержалось в 242 крестьянских наказах, послуживших в дальнейшем основой для советского Декрета о земле 1917 г.⁷¹

Более того, в 1920–1930 гг. общинная солидарность на уровне отношений “власть – сельский мир” также проявляла себя наиболее ярко и отчетливо. Повсеместно были созданы условия для функционирования общины как свободного союза по регулированию крестьянского землепользования и землеустройства; к 30-м годам местные органы власти не играли значительной роли в жизни деревни⁷². С начала 30-х годов в ходе форсированной коллективизации сельские сходы явились активным низовым звеном деятельности местных Советов. По свидетельству И.Е. Козновой, такого рода трансформация поземельной

⁶⁴ О социально-политических идеалах см. подробнее: *Фролова Е.А.* Проблема теории и философии права. М., 2015. С. 223.

⁶⁵ См.: *Буховец О.Г.* Ментальность и социальное поведение крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Материалы Междунар. конф. / Отв. ред. Л.В. Милов. М., 1996. С. 190–192.

⁶⁶ См. об этом подробнее: *Качоровский К.Р.* Народное право. М., 1906.

⁶⁷ В докладной начальника Харьковского охранного отделения значилось, что случаи выхода из общины очень редки, и там, где степень сознательности достаточно высока, крестьяне не составляют приговора о недопущении выдела, заявляя, что не дадут выделившимся пасти скот на общественных лугах и т.п. (см.: *Курский край в истории Отечества* / Под ред. Л.С. Полнера. Курск, 1996. С. 103).

⁶⁸ См.: *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Электронная версия бюллетеня “Население и общество”. Центр демографии и экологии человека Института народоохозяйственного прогнозирования РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscore.ru> (Дата обращения: 22 марта 2017 г.); Статистический ежегодник России 1907 г. СПб., 1908. С. 29–58.

⁶⁹ См.: *Пушкарев С.Г.* Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001. С. 420.

⁷⁰ *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 19.

⁷¹ См.: *Ленин В.И.* Задачи революции // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 234.

⁷² См. подробнее: *Винниченко Ю.В.* Местное самоуправление и органы государственной власти в 1920–1930 гг. // В кн.: Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Материалы Междунар. конф. Самара, 2001. С. 296–298.

общины являлась подготовкой крестьянства, находившегося в составе общины, к массовому переходу к коллективному способу ведения хозяйства. Тот факт, что этот переход совершался без предварительного разрушения общины, подчеркивал автор, свидетельствует об отсутствии непримиримых антагонистических противоречий между общинной формой крестьянского землепользования и процессом сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, принявших на рубеже 20–30-х годов характер глубокого социально-экономического преобразования. Упразднение общинных институтов в начале 30-х годов на основе советского законодательства, по мнению ученого, — это не предварительное условие сплошной коллективизации, а ее следствие, когда колхозный строй заменял строй единоличного хозяйствования и землепользования⁷³.

В конце 80-х годов критика предшествовавшего советского опыта инициировала вопрос о «восстановлении права крестьянина быть хозяином на земле, которого лишили вопреки здравому смыслу и справедливости»⁷⁴. В рамках обсуждения на рубеже 90-х годов проектов законов «О собственности в СССР», Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле наряду с 72 заключениями научно-исследовательских институтов по возможным социальным и экологическим последствиям реализации проектов Всесоюзным центром общественного мнения проводилось анкетирование населения. Подавляющее большинство опрошенных выступило против купли-продажи земли. Относительно форм передачи земли для крестьянского хозяйства каждый третий высказался за пожизненное владение с правом наследования, каждый четвертый — за долгосрочную аренду, и только каждый пятый — за личную собственность⁷⁵, что еще раз подтверждает устойчивое влияние общинных традиций в национальном менталитете россиян. Российская аграрная

реформа 90-х годов проходила под лозунгом создания небольших семейных ферм, которые должны были прийти на смену неэффективным советским колхозам и совхозам. Однако сельскохозяйственная перепись 2006 г. зафиксировала полное и безоговорочное торжество крупных и очень крупных хозяйств, причем агрохолдинги воспроизводят модель совхозов⁷⁶.

Кроме того, к настоящему времени коренное преобразование отношений собственности в аграрном секторе экономики требует должной оптимизации. Заявление министра сельского хозяйства А.Н. Ткачева о необходимости введения в России механизма принудительного отъема неэффективно используемой земли основано в том числе и на данных Минсельхоза — почти половина сельскохозяйственных земель в России используется не по назначению⁷⁷.

Таким образом, осознание отечественных традиций и исторического опыта сегодня весьма актуально. Культивирование в постсоветском пространстве идеи индивидуализма «западного образца» не оправдало себя в должной степени и не нашло достаточной поддержки у населения, так как мировоззренческие установки и идеалы даже в несколько модифицированном виде (ментальность все же подвижна) имеют значительное влияние среди современной российской общественности.

В этой связи применительно к революции 1917 г. укажем, что главным аспектом любых преобразований, методов их проведения и форм реализации выступает человеческая цена реформ. Для любой политической революции присущи общественный раскол и человеческие жертвы, революционная целесообразность всегда предполагает революционную законность, связанную со значительными нарушениями прав личности и ограничениями норм демократии.

Однако отметим и то, что большевикам пришлось в условиях затяжного системного кризиса отстаивать независимость России, максимально сохраняя ее целостность, восстанавливать в стране правопорядок, устранять все многообразие негативных последствий политических ошибок самодержавия и Временного правительства и в совокупности со своими просчетами за все это нести ответственность. Будучи убежденными

⁷³ См.: Кознова И.Е. Крестьянская поземельная община в 1921–1929 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 17.

⁷⁴ Мушинский В.О. Правовое государство и правопонимание // Сов. гос. и право. 1990. № 2. С. 25.

⁷⁵ В ходе обсуждения поступило более 13 тыс. документов, 2,5 тыс. писем и телеграмм, более 10 тыс. анкет, 212 заключений различных организаций и т.д. В ответах респондентов на вопрос о преимущественных формах хозяйствования прозвучало: предоставить полную самостоятельность колхозам и совхозам — 36%, сочетать развитие совхозов и колхозов, крестьянских хозяйств и других форм — 42%, создавать и поддерживать индивидуальные крестьянские хозяйства — 20%, за право каждого человека выбирать себе форму хозяйствования высказались 87% опрошенных (см.: Заседания Верховного Совета СССР. 1989–1994. Стенографический отчет. Сессия 3. Ч. 1. 14–20 февраля 1990 г. М., 1990. С. 190).

⁷⁶ См.: Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 63, 64.

⁷⁷ См.: Приставы пришли за вашим огородом // Крестьянские ведомости. 2017. 28 февр.

сторонниками конечной цели коммунистического строительства — отмирания государства, большевикам на практике “поневоле” пришлось стать государственниками, не вступая при этом в резкий антагонизм с ценностными установками населения, и в конечном счете создать страну, которой гордились и будут гордиться многие поколения. Для нас сегодня важным является объективная оценка революционных событий в России 1917 г. не только как исторической памяти, но и понимания необходимости развития социально ориентированной государственной политики и тесного сотрудничества общества и власти.

А.Л. Табаков, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *Справедливость и революция в русской политико-правовой мысли конца XIX — начала XX в.*

Любая социальная революция есть не что иное, как реакция общества на социальную несправедливость. Следовательно, в основе идеологического обоснования революционных преобразований лежит глубокая убежденность в том, что переход к новому общественному строю ознаменует собой торжество социальной справедливости. Если проследить за основными этапами развития западноевропейской политико-правовой мысли, то можно сделать вывод о том, что в основу объяснения социального устройства так или иначе всегда закладывалась мысль о диалектическом сочетании двух принципов: справедливого равенства и справедливого неравенства. Так, средневековая мысль базировалась на признании равенства людей перед Богом, с одной стороны, и неравенства в феодальной иерархии — с другой. Политико-правовая мысль эпохи буржуазных революций, стремившаяся обосновать несправедливость феодального правопорядка, провозгласила принцип формального равенства всех людей перед законом. Итогом этого стало формирование классической либеральной модели социальной справедливости, отталкивавшейся от формально-юридического равенства и материального неравенства. Любые нарушения этого принципа (в первую очередь социальное и трудовое законодательство) согласно идеологии классического либерализма воспринимаются как нарушение свободы экономической деятельности и права собственности, т.е. как несправедливость. Как следствие, классическое буржуазное государство начала XIX в. — это “ночной сторож”, гарантирующее каждому равенство перед законом и судом и не предоставляющее никаких материальных и социальных гарантий. Социалистические и анархические политические концепции,

сформировавшиеся в XIX в., есть не что иное, как болезненная реакция на глубочайшую несправедливость буржуазного правопорядка, закрепляющего материальное неравенство. Главная задача идеологов социализма и анархизма, таким образом, состояла в обосновании связи материального равенства и социальной справедливости⁷⁸.

Идеологическим фундаментом социалистической революции 1917 г. в России стали труды русских марксистов — главным образом Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. Именно в их работах наиболее ярко проявляется ключевая идея марксизма о том, что революционный переход к социализму — это первый шаг на пути построения подлинно справедливого общества, в котором будут ликвидированы любые формы неравенства: “Я знаю, откуда вы берете ваши понятия о справедливости. Они у вас из вчерашней капиталистической эпохи. Товаровладелец, его равенство, его свобода — вот ваши понятия о справедливости. Это мелкобуржуазные остатки мелкобуржуазных предрассудков — вот что такое ваша справедливость, ваше равенство, ваша трудовая демократия. А для нас справедливость подчинена интересам свержения капитала”⁷⁹.

Критика социалистических программ, связывавших переход к социальной справедливости с материальным равенством, осуществлялась, как правило, с позиций неокантианства (П.И. Новгородцев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.). Общая методологическая установка этой критики заключается в том, что социальная справедливость есть не что иное, как регулятивная идея — некий идеал, своего рода путеводная звезда, на которую должно ориентироваться общество. Мыслители-неокантианцы глубоко убеждены в том, что социальный идеал в силу своей трансцендентной природы никогда полностью не осуществится на практике, а попытки построить “рай на земле”, свойственные социалистическим доктринам, способны привести лишь к тирании⁸⁰.

На рубеже XIX—XX вв. в либеральной политико-правовой мысли России активно разрабатывалась концепция правового государства. Как отмечает В.Н. Корнев, либеральные мыслители (в отличие, например, от большевиков) видели в существовавшем на тот момент государстве

⁷⁸ См.: Козлов М.И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. Архангельск, 2010. С. 20–23.

⁷⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 364, 365.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Фролова Е.А. Методологические проблемы поиска социального идеала в неокантианской философии права России конца XIX — начала XX вв. // Право и государство: теория и практика. 2012. № 3. С. 38–42.

реальную позитивную силу, способную уберечь общество от революционных потрясений и направить его по пути прогрессивных реформ⁸¹. Свою главную задачу данные авторы видели в преодолении недостатков классического либерализма и построении концепции социального правового государства, предоставляющего ряд материальных и социальных гарантий нуждающимся группам населения. По категоричному утверждению одного из теоретиков правового государства этого периода С.А. Котляревского⁸², “государство должно быть правовым, потому что оно должно быть справедливым”⁸³. Смысл этого постулата мыслитель раскрывает следующим образом. Верховенство закона, безусловно, является ключевой характеристикой правового государства, однако высшая, “сверхправовая” задача государства — привести нравственный компонент (т.е. справедливость) в осуществление власти с тем, чтобы смягчать абстрактные положения закона, способные обернуться высшей несправедливостью (*summusjūs — summainjuria*). Одним из результатов разработки концепции социального правового государства стало теоретическое обоснование права на достойное существование.

Таким образом, можно выделить две основные модели социальной справедливости, получившие концептуальное обоснование в отечественных политико-правовых доктринах на рубеже XIX—XX вв. Во-первых, это предлагаемое социалистами революционное переустройство общества на основе фактического материального равенства. Надо признать, что именно в рамках этого подхода дается наиболее четкий и внятный ответ на вопрос о том, что есть социальная справедливость. Это — равенство. Во-вторых, это обосновываемая большинством либералов концепция правового государства, дополненного социальными функциями. Если для первой из этих моделей характерно четкое осознание того, что социально справедливое общество — это насущная потребность сегодняшнего дня, стремление к нему — величайшая цель, во имя которой оправданы любые жертвы, то для второй свойственна значительно более умеренная позиция, согласно которой социальная

справедливость — это плод совместного труда всех сил общества. Если первые безоговорочно связывают наступление справедливости с крушением старого порядка в самом ближайшем будущем, то вторые признают, что справедливость — это лишь путеводная звезда, ведущая общество и государство. К ней, несомненно, следует стремиться, но достичь ее — едва ли посильная задача для общества, состоящего из живых, а значит, несовершенных людей.

П.П. Аношкин, старший преподаватель кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова. *Государство и революция в философии политики Н.А. Бердяева*

Николай Александрович Бердяев (1874—1948) — один из наиболее ярких представителей российской и мировой политической мысли.

Значительное место в философии политики Н.А. Бердяева занимают проблемы государства и революции, систематизация и реконструкция которых позволяют более глубоко осмыслить революционные события 1917 г. и дать им соответствующую оценку.

В результате длительной эволюции собственных политических взглядов Н.А. Бердяев приходит к выводу о незыблемости государства. В своей работе “Философия неравенства” он пишет: “Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводится ни из каких-либо человеческих интересов и расчетов, и нельзя принудить признать государство, подчиниться государству никакими рациональными доводами”⁸⁴.

В философии политики Н.А. Бердяева государственная власть, основанная на магической силе, поддерживает связь времен и не может быть разрушена никаким поколением людей.

В то же время любое государство переживает революции, представляющие собой вечное явление в судьбах человеческих обществ. Революция всегда стремится разрушить священный гипноз старой государственной власти, но сама попадает во власть другого гипноза. По мнению Н.А. Бердяева, магическая государственная власть неразрушима и лишь переходит из одного состояния в другое.

Причину революции Н.А. Бердяев видит в противоречии между государством и личностью. Государство и личность антиномичны, они нуждаются

⁸¹ См.: Корнев В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века (1905—1917 годы). Белгород, 2001. С. 34.

⁸² Подробнее о политико-правовом учении С.А. Котляревского см.: Кроткова Н.В. С.А. Котляревский как теоретик правового государства // Гос. и право. 2006. №11. С. 76—85; *Ее же*. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2007; *Ее же*. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011.

⁸³ Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. СПб., 2001. С. 335.

⁸⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 2012. С. 75.

друг в друге, но могут и противостоять друг другу, и из этого противостояния могут возникать конфликты, в том числе и революции.

Исходя из антиномичности государства и личности, Н.А. Бердяев выделяет следующие предпосылки революции:

низшие угнетенные классы не хотят терпеть унижение и рабство;

неправильное правление, которое приводит к вооруженному восстанию и захвату власти революционными силами;

войны или другие социальные катаклизмы, приводящие к резкому снижению уровня жизни масс и к внутреннему разрушению государства;

деятельность различных партий, движений, направленная на разрушение существующего государства.

В ходе революции осуществляется захват политической власти, происходит уничтожение старых государственных институтов и создание на их месте новых. Революция силой уничтожает старую государственно-правовую систему, которая перестала быть правом и превратилась в насилие.

Первоначально революция направлена против деспотизма и тирании, но в процессе своего развития она сама создает диктатуру и тиранию, отменяя существующие в дореволюционном обществе свободы. «Революция есть война, она делит общество на два лагеря и реализуется посредством военной диктатуры»⁸⁵.

Революция проводится путем насилия, и после захвата власти революционные силы пытаются создать новую государственно-правовую систему. Однако практика развития советской государственности показала, что на протяжении многих лет в Советском Союзе осуществлялась так называемая диктатура пролетариата, по существу, диктатура вождя, а право нередко подменялось принципом революционной (политической) целесообразности.

Во время революций со стороны как старой власти, так и революционных сил осуществляется террор. Правители, которые отстаивают дореволюционное государство, боятся быть уничтоженными революционными силами. Победившие революционные силы, в свою очередь, также одержимы страхом, везде видят опасность, заговоры и покушения. «Фатум, рок революции в том, что она неизбежно ведет к террору. Террор же есть утеря свободы, свободы всех и свободы для всех. Вначале

революция бывает чистой, она провозглашает свободу. Но по мере её имманентного развития, в силу происходящей в ней роковой диалектики свобода исчезает и начинается царство террора. Революцией овладевает страх контрреволюции, и она сходит с ума от этого страха»⁸⁶.

В результате осуществления революционного террора общество приходит к власти диктатора, одного лица, что подтверждает практика социалистических революций в России и других странах, т.е., как писал Н.А. Бердяев: «Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками»⁸⁷.

В ряде своих работ Н.А. Бердяев проводит всесторонний анализ русского освободительного движения — от А.Н. Радищева до В.И. Ленина, пытается найти смысл и дать всестороннюю оценку революции 1917 г.

По его мнению, революционеры-дворяне, разночинцы, народники, анархисты и социал-демократы разного толка, мечтая о светлом будущем, на протяжении всего XIX столетия лишь разрушали российскую государственность, не думая при этом о способах захвата политической власти и создании нового государственного устройства.

В то же время В.И. Ленин переработал марксистскую теорию революции и захвата политической власти применительно к российским условиям, развил учение о переходном от капитализма к коммунизму периоде, о государстве диктатуры пролетариата и последующем отмирании государства. Н.А. Бердяев восхищался тем, что В.И. Ленин не только разработал теорию революции, но и сумел реализовать ее на практике, используя экономический и политический кризис, вызванный войной.

Итоги революции Н.А. Бердяев оценивает далеко не однозначно. С одной стороны, в 1918 г., когда России грозил хаос и анархия, В.И. Ленин приложил все силы для того, чтобы дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. «Он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром»⁸⁸.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Бердяев Н.А. *Философия неравенства*. С. 41.

⁸⁸ Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 95.

⁸⁵ Бердяев Н.А. *О рабстве и свободе человека*. М., 2010. С. 224.

В качестве положительного момента Н.А. Бердяев также видит в большевизме третье явление русской великодержавности, русского империализма, соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу.

Вместе с тем в революции просматриваются серьезные недостатки и возникают новые социальные проблемы. Так, диктатура пролетариата, усиливая государственную власть, развивает социалистическую бюрократию, новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы. Советская Россия обретает в этих условиях черты государственного капитализма. Для бюрократии власть становится целью, а не средством для удовлетворения интересов и нужд пролетариата.

Кроме того, ленинизм в условиях диктатуры пролетариата есть вождизм нового типа, а вождь

наделяется диктаторской властью, которому в последующем стали подражать Муссолини и Гитлер. Ленинизм, с точки зрения Н.А. Бердяева, еще не фашизм, но сталинизм уже походит на фашизм.

В завершение следует привести слова Н.А. Бердяева, дающие оценку всякой революции: “Рабство человека оказывается непобежденным, меняются лишь формы рабства. Это не значит, что революция лишена смысла и что бессмысленно делать революцию. Революции имеют смысл и являются важным моментом в судьбе народов. Революции – великий опыт, который и обедняет человека, и обогащает его. Самое обеднение является обогащением. Какие-то формы рабства в революциях все-таки уничтожаются”⁸⁹.

⁸⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. С. 223.